

УДК 821.161.1+821.112.2
ББК 83.3(2Рос=Рус)6+
83.3(4Нем)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ДАНИИЛА ХАРМСА В ТВОРЧЕСТВЕ АГЛАИ ВETERАНИ

© 2020 г. А.В. Попова

*Российский государственный гуманитарный
университет,*

Москва, Россия

Дата поступления статьи: 08 апреля 2019 г.

Дата публикации: 25 июня 2020 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-172-185

Аннотация: Исследование посвящено рецепции русского писателя Даниила Хармса в неоконченном романе «Осторожно кусачий куриный суп. Даниил Хармс в эмиграции» швейцарской писательницы литературы абсурда Аглаи Ветерани. Целью исследования является определение особенностей портрета Хармса в этом произведении. Рассматриваются биография и особенности литературного творчества Ветерани, с учетом которых производится интерпретация наиболее значимых сюжетообразующих эпизодов произведения для составления представления о месте образа Хармса и особенностях его трансформации. Результаты исследования показывают, что Ветерани смешивает биографические факты из своей жизни и жизни героинь других автобиографических романов и рассказов с фактами биографии настоящего Хармса, что приводит к некоторому отождествлению самого автора с главным героем. Большой интерес писательница проявляет к сведениям о смерти Хармса и его склонности к самоинсценированию и пытается их обыграть и гиперболизировать, а также анализирует и пародирует творчество Хармса. Так конструируется сложный образ, соединяющий в себе несколько ипостасей — самой писательницы, Хармса как эталонного писателя-абсурдиста с чертами трикстера, революзирующего против законов логики и уврачивающегося от смерти любыми способами, включая перевоплощение в других людей или предметы. Устанавливается, что мотив смерти и бегства/отказа от смерти встречается в других произведениях Ветерани. Таким образом, Ветерани выражает нежелание верить в смерть, как в свою собственную, так и любимых ею людей.

Ключевые слова: Даниил Хармс, Аглая Ветерани, литература абсурда, рецепция.

Информация об авторе: Анна Владимировна Попова, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., д. 6, 125993 г. Москва, Россия.

E-mail: annapopowa2012@gmail.com

Для цитирования: *Попова А.В.* Художественный образ Даниила Хармса в творчестве Аглаи Ветерани // *Studia Litterarum.* 2020. Т. 5, № 2. С. 172–185.

DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-172-185

THE IMAGE OF DANIIL KHARMS IN THE WORKS OF AGLAJA VETERANYI

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2020. A.V. Popova
*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia*
Received: April 08, 2019
Date of publication: June 25, 2020

Abstract: The essay focuses on the reception of the Russian writer Daniil Kharms in the unfinished novel *Attention, the Chicken Soup Bites! Daniil Kharms in Exile* by the Swiss absurdist writer Aglaja Veteranyi. The purpose of the study is to highlight the features of the portrait of Kharms in this work. The essay examines Veteranyi's biography as well as the peculiarities of her style, making an emphasis on the most significant plot-forming episodes of the novel that shed light on the place and specificity of Kharms' image. The results of the study show that Veteranyi mixes her own biographical facts and the life of the characters of other autobiographical novels and stories with the facts of Kharms' own biography which allows for some identification of the author with the main character. The writer shows exaggerated interest in the death of Kharms as well as in his histrionic capacities; she hyperbolizes both as well as analyzes and parodies Kharms' works. As a result, we have a complex image that combines several personalities – the novelist herself and Kharms as an exemplary absurdist writer with the features of a trickster, revolting against the laws of logic and trying to escape death by all means, also by transforming himself into other characters or objects. The motive of death and escape from / refusal of death is common to other fictional works by Veteranyi. This testifies to her unwillingness to believe in death, both in her own and of her loved ones.

Keywords: Daniil Kharms, Aglaja Veteranyi, literature of the absurd, reception.

Information about the author: Anna V. Popova, PhD student, Russian State University for the Humanities, Miuskaya 6, 125993 Moscow, Russia.

E-mail: annapopova2012@gmail.com

For citation: Popova A.V. The Image of Daniil Kharms in tThe Works of Aglaja Veteranyi.

Studia Litterarum, 2020, vol. 5, no 2, pp. 172–185. (In Russ.)

DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-172-185

Швейцарско-румынская писательница Аглая Ветерани (1962–2002) скончалась с жизнью в ночь со 2 на 3 февраля 2002 г., в день через 60 лет после смерти Даниила Хармса (1905–1942) [3, с. 86]. Было ли это лишь совпадением или Аглая, которая уже долгое время находилась в тисках душевной болезни, преднамеренно выбрала день смерти любимого писателя — вопрос, ответ на который исследователь дать не может, однако значение Хармса для становления Ветерани как автора неоспоримо и подлежит подробному рассмотрению. Влияние Хармса на творчество Ветерани констатируется исследователями [5, с. 11; 3, с. 84] и комментаторами ее текстов [6, с. 127], но по сей день нет исследования, посвященного проблеме значения Даниила Хармса в писательском пути Ветерани. Ее рецепция Хармса прослеживается при обнаружении заимствований: некоторые рассказы напоминают рассказы из цикла «Случаи», например, рассказ «Почему я не ангел» («Warum ich kein Engel bin») [11, с. 29] построен на основе рассказа «Вываливающиеся старухи» Хармса. В 1996 г. Даниил Хармс стал персонажем незаконченного романа Ветерани «Осторожно кусачий куриный суп. Даниил Хармс в эмиграции» («Vorsicht bissige Hühnersuppe. Daniil Charms im Exil» [sic]).

Если в имитирующей творчество Хармса малой прозе писательница не ссылается на своего любимого писателя, то в данном романе он даже становится главным действующим лицом. Здесь Ветерани составляет портрет любимого писателя на основе его текстов и известных ей подробностей о его жизни, раскрывает мотив смерти, который получил развитие в других ее произведениях. Поскольку роль фигуры Хармса в данном произведении ранее не рассматривалась исследователями, должно быть, ввиду того, что его текст был официально опубликован только в 2018 г., то в рамках дан-

ной работы будут изложены лишь изначальные предположения о том, какие трансформации претерпел образ писателя в художественной рецепции Ветерани.

При изучении произведений Ветерани исследователи нередко прибегают к фактам ее биографии. Ее творчество автобиографично, а фантастическое органично вплетается в канву повествования о реальных событиях, малая и крупная проза перекликаются между собой благодаря тому, что в них используется единый биографический материал [5, с. 64].

Профессиональный путь Аглаи предопределило ее происхождение. Будущая писательница родилась в семье румынских циркачей. Когда Аглае было четыре года, она вместе с семьей бежала в Швейцарию от диктатуры Чаушеску. Подростком во время их длительного циркового тура по Европе, Африке и Южной Америке она выступала в качестве танцовщицы и певицы в различных варьете. Аглая не могла читать и писать ни на одном языке вплоть до возвращения в Швейцарию в 1978 г., когда она начала актерское образование и параллельно с этим — изучение немецкого языка, который впоследствии стал языком ее прозы и средством письменного самовыражения [4, с. 266].

На протяжении всей жизни Аглая находилась в поиске и попытках определения своей индивидуальной и культурно-национальной идентичности. В детстве она пережила насилие и агрессию со стороны отца, «мрачного клоуна», а также непрерывно испытывала страх, что во время акробатического номера матери может произойти несчастный случай. Все это писательница отразила в романах «Почему ребенка варят в мамалыге» («Warum das Kind in der Polenta kocht») (1999), «Полка последних вдохов» («Das Regal der letzten Atemzüge») (2002) и в рассказах, вошедших в сборник малой прозы «Об убранном море, арендованных носках и госпоже Масло» («Vom geräumten Meer, den gemieteten Socken und Frau Butter») (2004). Борьба с давлением культурно-языкового происхождения, которое в последнем романе воплощает мать [5, с. 5], с одной стороны, и с вызовами новой культурно-языковой среды в Швейцарии, с другой [5, с. 3], лежат и на пути самоидентификации героинь Аглаи.

Для корректной интерпретации творчества Ветерани необходимо учитывать, что она не в совершенстве владела немецким, поскольку начала учить его лишь в подростковом возрасте [4, с. 266], в силу чего тексты име-

ют много лексических неточностей, синтаксис довольно прост, превалируют краткие, эллиптические и назывные предложения. Кроме того, стиль произведений Ветерани отличается инфантилизмом, повествование часто ведется из наивной детской перспективы [4, с. 272] и похоже на пересказ сновидений. Издатели сохраняли эти особенности при публикации, не давая пояснений и интерпретаций, осознавая, насколько важной для Аглаи была свобода от точности и определенности [7, с. 139–140].

Несмотря на лаконичность и синтаксическую упрощенность, язык Ветерани характеризуется высокой метафористичностью. В метафорах Ветерани «соединяется невозможное, что дает свободу для поэтически сильно заряженного смыслового изобилия»¹ [3, с. 80]. И, пожалуй, самой главной отличительной чертой ее текстов была непримиримая борьба с логикой, абсурдность. Причем абсурд у Ветерани — инструмент и главный художественный принцип. По словам Йенса Нильсена, нелогичность (Unlogik) была для нее «топливом». «Она была для нее точным средством, которое она использовала целенаправленно, мне кажется, для подрыва определенности, которая была для нее чрезвычайно подозрительной. Так называемая истина, реальное и корректное тогда оставались на втором месте. Потому что нелогичное действовало внутривенно, как говорила она. Непосредственно» [7, с. 139].

В этом совпадают взгляды Хармса и Ветерани на создание текстов. Исследователь Дмитрий Викторович Токарев, производя сравнение творчества Сэмюэля Беккета и Хармса, установил, что, в отличие от центральных представителей западных театра и литературы абсурда Беккета и Эжена Йонеско, «для русского поэта осознание абсурда является лишь исходной точкой поисков путей его преодоления» [1, с. 17]. Отсутствие логики было для Аглаи тем же, чем была бессмыслица для Хармса, — отправной точкой поиска истины, способом чувствовать мир.

Рассматриваемый текст представляет собой нечто вроде биографической фикции — посмертного путешествия Хармса в Венецию, — где категория абсурда выступает в качестве связеобразующего принципа. Его жанровую специфику определить непросто: произведение сохранилось в виде фрагментов, сюжетная целостность отсутствует. Тем не менее изда-

1 Здесь и далее перевод с немецкого автора статьи — А.В. Поповой.

тели, среди которых персоны, очно знакомые с биографией и творческим процессом Аглаи, опубликовали его в составе второго тома, «Кафе папа. Фрагменты» («Café Papa. Fragmente»), двухтомного издания дневниковых записей и фрагментов незавершенных произведений в 2018 г. и обозначили как «фрагмент романа» [9, с. 148].

Фрагмент не имеет единого сюжета, нет единства места, времени и действия. События врываются в повествование произвольно, нельзя выделить нити, проходящей через все повествование. Объединяющим элементом, не позволяющим повествованию окончательно распасться на отдельные мини-рассказы, служит время от времени появляющаяся фигура писателя Хармса. Описываются эпизоды из его полувывмышленного прошлого и вымышленного настоящего за границей. Повсеместно, где бы автор ни предпринимал попытки реконструировать историю героя, он порывает с логикой и лишь спорадически вводит реальные данные, а если в канву повествования и вплетается событие, соответствующее действительности, то оно подвергается максимальной гиперболизации, либо в него проникает фантастический вымысел. Вспомним, что Хармс сам довел до гротеска историю своего появления на свет («Я родился в камыше. Как мышь...» [2, с. 351]). Фрагменты, посвященные биографии Хармса, перемежаются с фрагментами о биографии Ветерани или героинь рассказов из сборника «Об убранном море...» [11, с. 50, 62, 64, 80].

Если в одном абзаце Ветерани приступает к рассказу о семье Хармса («Über seine Familie schreibt er...» [11, с. 52] / «О своей семье он пишет следующее...» или «Über Charms Familienverhältnisse wissen wir viel» [11, с. 89] / «О семейных отношениях Хармса мы знаем много»), то в следующем же она приводит не относящиеся к Хармсу детали, тем самым обманывая ожидания читателя. Например:

Die Tochter mit der Hand im Bauch gleicht der Mutter [11, с. 52]. — Дочь с рукой в животе похожа на мать.

Im Nebenzimmer liegt eine entfernte Cousine auf dem Sofa und liest 23 Gramm Buch, 5 Gramm Krimi und 18 Gramm Sex [11, с. 53]. — В соседней комнате на диване лежит дальняя двоюродная сестра и читает 23 грамма книги, 5 граммов детектива и 18 граммов секса.

Наличие подобного рода элементов наводит на мысль, что Ветерани в некоторой степени отождествляла себя с Хармсом. Подкрепить этот довод способно также то, что в фонде Ветерани среди черновиков и записных книжек можно найти небольшой листок бумаги, в котором она пишет, что ее настоящее имя не Аглая Ветерани, а Даниил Хармс².

Продолжением алогичности и смешения биографических фактов является анахроничность и расширение географических рамок. Так, Хармс воскресает из мертвых³ и продолжает жить, но уже за границей, в Венеции, где в 1996 г. побывала Ветерани, но настоящий Хармс за свою короткую жизнь никогда не был:

Am Ende des 20. Jahrhunderts erlebt ein Autor seine Auferstehung. Nachdem der Dichter Daniil Charms, der Meister der Groteske, im russischen Gefängnis verhungert war, flüchtete er nach Venedig [II, с. 50]. — В конце XX в. автор переживает свое воскресение из мертвых. После того как поэт Даниил Хармс, мастер гротеска, умер от голода в русской тюрьме, он бежал в Венецию.

Затем у окна в венецианском кафе «Флориан», которое, очевидно, посетила Ветерани во время своей поездки в Венецию, рождаются его новые рассказы [II, с. 50].

Фальсифицируются не только биографические факты, но и творчество Хармса. Текст, обозначенный во фрагменте номером 2, представляет собой пародию на совокупные тексты писателя, отражающую представление писательницы о его прозе. В нем Ветерани как бы глазами Хармса подвергает сомнению физическую идентичность живого существа — курицы:

Ein Huhn kann auch ein Huhn sein. Jedenfalls kann ein Huhn auch was anderes sein. Das glaube ich [II, с. 51]. — Курица, конечно, может быть курицей. В любом случае курица может быть чем-то еще. Я так считаю.

2 SLA-VET (Schweizerisches Literaturarchiv — Veteranyi): C-1-063.

3 Можно предположить, Хармс введен Ветерани в мотив библейского сюжета воскрешения из мертвых, потому что имя Даниил Хармс (в немецком написании «Daniil Charms») напоминает ей имя Иисус Христос («Jesus Christus»).

Ветерани осознавала специфику текстов Хармса и в другом эпизоде признала, что понимать тексты Хармса непросто, поскольку они «selbst für den geübten Leser eine Zumutung sind» [11, с. 67] — «даже опытному читателю не по зубам», что, как мы можем догадываться, и привлекало ее в них как противницу логичного. В данной связи вызывает интерес следующая деталь — плод фантазии Ветерани: папа римский провозглашает Хармса святым и поручает ему перевод Библии [11, с. 86–87], текст которого также «публикуется» в романе и состоит из одного предложения:

ALS GOTT DEN FADEN VERLOR BEGANN ER DIE WELT ZU ERSCHAFFEN [sic] [11, с. 88]. — «Когда Бог потерял нить, он начал творить мир».

Истинный процесс создания начинается тогда, когда изначальные связи теряются, когда творец соскальзывает с вектора логики. Такой взгляд на творческий процесс был характерен для Ветерани, она считала логику главным врагом творчества [7, с. 138–141].

Сведения о склонности Хармса к шутливым перевоплощениям, которую Аглая могла почерпнуть из биографических материалов, сопровождавших немецкоязычные издания, например, «Случаи. Сцены. Стихотворения. Проза» 1984 г. [8], побуждают ее на изобретение фантастических и гротескных видов перевоплощения:

[Charms] schlenderte durch die Gassen, bildete sich ein, eine Laterne zu sein, und begann zu leuchten, bis seine Haut fast wegschmolz. Vor der völligen Verbrennung konnte man ihn nur durch zwanghaftes Kühllagern retten [11, с. 98]. — [Хармс] бродил по улочкам, воображал, будто он — уличный фонарь, и начинал светить до тех пор, пока его кожа почти не расплавилась. От полного сгорания его смогли спасти только насильно охладив.

Переодевание Хармса в несуществующего брата Ивана Ивановича писательница объясняет его стремлением скрыться от смерти [11, с. 54].

Необходимо обратить внимание на то, что чувство присутствия смерти преследовало саму Ветерани с детства: опасная профессия матери и смерть любимой тети наложили отпечаток на сознание автора. Тема смер-

ти неизменно интересовала ее на протяжении всей жизни. Незадолго до смерти Аглая совершила поездку на родину, во время которой увидела, как проходят похороны по румынскому обычаю, и написала об этом репортаж «Смешное кладбище» («Lustiger Friedhof») (2001) [9, с. 147].

Вообще смерть для лирических героев Ветерани, с которыми она часто отождествляет себя, — что-то, что можно избежать одним лишь усилием мысли, отказом от нее. В миниатюре «Дерево» («Der Baum») читаем:

Ich glaub nicht an den Tod sagt der Baum und sammelt seine Zähne wieder ein [10, с. 91]. — «Я не верю в смерть», — говорит дерево и собирает свои зубы обратно.

Это может быть также побег в другую плоть или предмет. В рассказе «Забастовка» («Der Streik») старый человек говорит: «Лучше быть яблоком, чем умереть» — и производит против наступления смерти действия, эффективность которых кажется читателю сомнительной: он кладет себе на голову яблоко и садится посреди улицы за складной столик, написав на своем теле: «Прошу смерть меня не фотографировать. Кладбище закрыто по причине уклонения от смерти» [10, с. 90].

Сведения о том, как умер Хармс, также произвели на нее интенсивное впечатление [11, с. 54–55]. Абсурдный способ избежать смерти описывается в рассматриваемом романе на примере Хармса. Герой пишет на асфальте «Hier Charms — betreten verboten!» [11, с. 54] — «Здесь Хармс — вход воспрещен!»

Эта фраза отсылает к фразе «Hier Himmel» («Здесь небо»), которая была произнесена в одной из глав в «Осторожно...» [11, с. 92]. Глава была опубликована ранее в виде снопоподобного рассказа «Дом» («Das Haus») [10, с. 94]. В рассказе так называемый урожденный иностранец («ein gebürtiger Ausländer») оставляет обувь в своем доме, а дом выбрасывает в реку. В поисках дома иностранец находит под водой старика с табличкой на шее «Здесь небо». Дом снова появляется, но в другом месте, и, «возможно, это был другой дом, потому что он не помнил обувь иностранца», затем этот дом теряет свою дверь [10, с. 94]. Опираясь на данные биографии автора, эту главу можно читать как аллегорию. Аглая была пришельцем в чужой стране, «урожденным иностранцем», но и на родине в Румынии она жила

недолго, поэтому один дом в рассказе вполне может соответствовать родине, другой — Швейцарии, оставленная обувь может быть символом утраченного или не приобретенного из-за эмиграции чувства принадлежности к одной культуре, этносу. Небо Аглаи — это продолжение жизни, ее обратная сторона, спасение от несправедливости, переносимой ее лирическими героями в жизни, небо — это рай, заграница, убежище (Asyl). В небе все чисто, потому что оно — *живот Бога* [10, с. 82].

Как считает автор фрагмента, превращения и бегство Хармса — это, «предположительно, выражение его голода и отчаяния, потому что его попытки остаться в живых становились все гротескнее» [11, с. 54]. Кроме того, и побег в Венецию был вызван нежеланием умирать на родине:

Es ist also verständlich, dass Charms in Russland den Tod nicht aushielt und ins Ausland flüchtete [11, с. 55]. — То есть понятно, что Хармс не вынес смерти в России и бежал за границу.

В конце романа же высказывается предположение, что Хармс все-таки оказался на небе:

Es wäre verfrüht zu behaupten, Charms sei in den Himmel geflüchtet [11, с. 111]. — Было бы поспешным утверждать, что Хармс бежал на небо.

Данное высказывание, казалось бы, вступает в противоречие с завязкой: в начале фрагмента романа читатель узнает, что Хармс бежал от смерти в Венецию, в конце же автор высказывает допущение, что он бежал на небо. Однако противоречие легко разрешается, если допустить, что в знаковой системе произведения (и, возможно, творчества Ветерани в целом) существует метафорическая связь между заграницей физической, пространством, которое находится за пределами родины-государства, и «заграницей» метафизической — небом, пространством за пределами Земли. Образ Хармса, который сформировался у Ветерани в результате чтения его творчества и биографической информации, наделен теми свойствами, которые необходимы для осуществления этого прыжка в воображении автора. Этот образ — своего рода лабораторная болванка для проведения эксперимента, который заключается в возведении моста между реальностью и вожделен-

ным местом, парадизом на Земле. Но в результате автор как будто бы отпускает ситуацию, позволяя нежелательному быть, герою отправиться на небо, т. е. умереть. Однако Ветерани, подобно тому, как поступал Хармс-писатель в своих коротких рассказах, не берется отвечать за достоверность приводимой информации и подрывает доверие читателя многочисленными переключениями, отказами от сказанного, так что и здесь мы не можем быть уверены, умер ли герой.

Для онирических миров прозы Ветерани характерна эта подвешенность, неразрешенность. Главная идея зачастую глубоко скрыта от посторонних глаз, как будто бы автор боится стать понятным, что равнозначно уязвимости. В данном произведении, как и повсеместно в творчестве Ветерани, в каждом высказывании слышится вымышленная цитата «Bitte missverstehen Sie mich richtig» — «Пожалуйста, правильно поймите меня неправильно», которую автор приписывает Хармсу [11, с. 68], и она вполне может послужить девизом автора.

Обобщая изложенное, можно сказать, что образ Даниила Хармса в художественной рецепции Аглаи Ветерани подвергся ряду трансформаций, которые выделили в гипертрофированном виде те черты, по которым Хармс, как писатель, запомнился Ветерани. Абсурдизация биографических фактов и их смешение с деталями из жизни персонажей других произведений, с которыми Ветерани зачастую персонифицирует себя, формируют альтернативный портрет Хармса с элементом отождествления с образом самого автора. Параллельно Ветерани раскрывает ее представление о механизмах творчества любимого писателя, что свидетельствует о том, что она провела его глубокий анализ. Не без внимания писательница оставляет и поведенческие особенности русского писателя. Его самоинсценирование с вхождением в роли вымышленных людей мотивировали Ветерани дать развитие мотиву смерти: как и герои многих ее произведений, герой Хармс пытается бежать от смерти путем перевоплощения. Вполне возможно, что данный прием обладает для автора своего рода высвобождающим эффектом: на примере любимого писателя Ветерани как бы демонстрирует внутреннее сопротивление смерти — как своей собственной, так и смерти близких и любимых людей, одним из которых, судя по величине значения, которое она для него отводит в своем творчестве, был писатель Хармс.

Конечно, данными аспектами художественной обработки рецепция Хармса в творчестве Ветерани не исчерпывается, она имеет множество граней, многие из которых не очевидны, но могут обнаружиться при тщательной шлифовке — детальном анализе произведений писательницы. Представленное исследование имеет целью также дать толчок для дальнейшего изучения влияния Хармса на творческий мир Аглаи Ветерани и обратить внимание как филологов, так и всех интересующихся творчеством рассмотренных писателей и литературой абсурда на его плодотворность.

Список литературы

- 1 *Токарев Д.В.* Феномен литературы абсурда во Франции и в России в XX в. Сэмюэль Беккет и Даниил Хармс: дис. ... канд. филол. наук. Экс-ан-Прованс, 1998. 292 с.
- 2 *Хармс Д.* Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука-классика, 2003. 864 с.
- 3 *Baltag I.* «Solange ich verletzlich bleibe, kann ich weiterschreiben». Die Schweizer Schriftstellerin mit rumänischen Wurzeln Aglaja Veteranyi // *Philologica Jassyensia*. 2009. № 2 (10) (An V). S. 79–87. URL: <http://www.diacronia.ro/ro/indexing/details/A912/pdf> (дата обращения: 05 апреля 2019).
- 4 *Esselborn K.* Im Ungesicherten unterwegs: Aglaya Veteranyi // *Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache* 37 (2011). S. 263–286.
- 5 *Gieser L.* Heimatlose Weltliteratur? Zum Werk von Aglaja Veteranyi // *Germanica*. 2006. № 38. S. 63–85.
- 6 *Morlang W.* Nachwort // *Vom geräumten Meer, den gemieteten Socken und Frau Butter* / A. Veteranyi. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2004. S. 125–133.
- 7 *Nielsen J.* Unlogik streng erlaubt edition spoken script. In: *Vorsicht bissige Hühnersuppe. Daniil Charms im Exil edition spoken script* / A. Veteranyi. Luzern: Der gesunde Menschenversand, 2018. 138–142 S.
- 8 *Rausch B.* Ein biographisches Stichwort Haffmans // *Fälle. Szenen, Gedichte, Prosa. D. Charms, Zürich, Haffmans Publ. 1984. S. 236–256.*
- 9 *Rothenbühler D.* Editorischer Bericht edition spoken script // *Vorsicht bissige Hühnersuppe. Daniil Charms im Exil edition spoken script. A. Veteranyi. Luzern: Der gesunde Menschenversand, 2018. S. 146–149.*
- 10 *Veteranyi A.* *Vom geräumten Meer, den gemieteten Socken und Frau Butter* / A. Veteranyi. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2004. 136 S.
- 11 *Veteranyi A.* *Vorsicht bissige Hühnersuppe. Daniil Charms im Exil edition spoken script. Luzern: Der gesunde Menschenversand, 2018. 49–111 S.*

References

- I Tokarev D.V. *Fenomen literatury absurda vo Frantsii i v Rossii v XX v. Semiuel' Bekket i Daniil Kharms* [The Phenomenon of the absurd literature in France and in Russia in the 20th century: Samuel Beckett and Daniil Kharms: PhD dissertation] Aix-en-Provence, 1998. 292 p. (In Russ.)
- 2 Kharms D. *Maloe sobranie sochinenii* [Small collected works]. St. Petersburg, Azbukaklassika Publ., 2003. 864 p. (In Russ.)
- 3 Baltag I. "Solange ich verletztlich bleibe, kann ich weiterschreiben". Die Schweizer Schriftstellerin mit rumänischen Wurzeln Aglaja Veteranyi. *Philologica Jassyensia*, 2009. № 2 (10) (An V). pp. 79–87. Available at: <http://www.diacronia.ro/ro/indexing/details/A912/pdf> (Accessed 05 April 2019). (In German)
- 4 Esselborn K. Im Ungesicherten unterwegs: Aglaja Veteranyi. *Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache* 37 (2011), S. 263–286. (In German)
- 5 Giesler L. Heimatlose Weltliteratur? *Zum Werk von Aglaja Veteranyi. Germanica*. 2006. № 38. S. 63–85. (In German)
- 6 Morlang W. Nachwort. *Vom geräumten Meer, den gemieteten Socken und Frau Butter*, A. Veteranyi. München, Deutsche Verlags-Anstalt, 2004. S. 125–133. (In German)
- 7 Nielsen J. Unlogik streng erlaubt edition spoken script. *Vorsicht bissige Hühnersuppe. Daniil Charms im Exil edition spoken script*, A. Veteranyi. Luzern, Der gesunde Menschenversand, 2018. S. 138–142. (In German)
- 8 Rausch B. Ein biographisches Stichwort Haffmans. *Fälle. Szenen, Gedichte, Prosa. D. Charms*. Zürich, Haffmans, 1984. S. 236–256. (In German)
- 9 Rothenbühler D. Editorischer Bericht edition spoken script. *Vorsicht bissige Hühnersuppe. Daniil Charms im Exil edition spoken script*. A. Veteranyi. Luzern, Der gesunde Menschenversand, 2018. S. 146–149. (In German)
- 10 Veteranyi A. *Vom geräumten Meer, den gemieteten Socken und Frau Butter*. München, Deutsche Verlags-Anstalt, 2004. 136 S. (In German)
- 11 Veteranyi A. *Vorsicht bissige Hühnersuppe. Daniil Charms im Exil edition spoken script*. A. Veteranyi. Luzern, Der gesunde Menschenversand, 2018. S. 49–111. (In German)